

20 МАЯ 1958

"ТРУД"

САМОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

Сестра просто отвергает любовь могущественного шаха Бахрама, потому что оделенная своей властью он все больше и больше отрывается от народа...

Тихая, застенчивая Гульшан, не колеблюсь, бросается в беспокойные воды Есипия, но не уступает дикой притяжности своего отца-хана...

Веселая хохотушка Гульшан без тени страха устремляется к разбушевавшейся реке, куда упал ее возлюбленный, инженер — гидростроитель Азад...

В основе трех балетных спектаклей, показанных Азербайджанским театром оперы и балета имени М. Ахундова, лежит любовь — вечная тема хореографии. Сюжетные конструкции всех их также не слишком оригинальны — можно указать десятки балетов, уже использовавших сходные ситуации. И все же от декадных спектаклей веет чем-то беспредельно свежим, самобытным.

Обращаются ли мастера азербайджанской хореографии к бессмертным творениям Низами («Семь красавиц»), к древней народной легенде («Девичья башня») или находят своих героев среди тружеников хлопковых полей республики («Гульшан»), они всегда остаются нашими современниками. Вот почему, переведя на язык танца поэмы Низами, авторы балета «Семь красавиц» не стремятся создать пышное, помпезное зрелище, а ищут максимального обострения трагического конфликта между despoticным правителем и его народом. Вот почему не экзотика гаремного быта, а стойкая решимость бедного крестьянина Позада отстоять свое право на любовь стала основным мотивом «Девичьей башни».

Балет «Семь красавиц» принадлежит к числу лучших произведений советской музыки. Ученик Д. Шостаковича, Кара Каравеев воспринял от своего учителя горячую любовь к современному музыкальному языку, острое чувство ритма, яркую театральность, вкусы к гротеску. Именно открыто гrotесковыми приемами обрисованы в партитуре шах Бахрам, забийный и новарный визирь, начальник дворцовой стражи. Композитор блестящее использовал заложенные в либретто И. Изаятзаде, Ю. Слонимского и С. Рахмина драматические контрасты и создал музыку, на которую не выпускающую слушателя из своей власти. Пленительный портрет Айши, ее гордого брата Мешера, их друзей-ремесленников, эффектные, полные таинственного обаяния образы семи красавиц, массовые танцы и шествия — все это настолько хорошо, что трудно отдать чечу-нибудь предпочтение. Музыка такого класса предоставила театру широчайшие возможности.

Пожалуй, полнее всех этими возможностями воспользовался молодой, очень способный художник В. Доррер. Его предельно лаконичные, графически жесткие декорации, резкие цветовые пятна, смелое соединение линий как нельзя лучше передают трагическую атмосферу действий. К сожалению, постановщик «Семи красавиц» П. Гусев использовал музыку Кара Каравеева далеко не в полной мере. В спектакле есть, конечно, немало смела и оригинально решенных сцен, как, например, торжественная встреча шаха, вытаптывание пшеничного поля разъяренными слугами визиря и особенно третью видение семи красавиц... На фоне черного бархата, весь в черном, выхваченный резкими пучками света, мечется Бахрам. Перед ним вновь

Декада азербайджанского искусства и литературы

возникают видения семи красавиц. Однажды на черном фоне они выглядят бесцветными тенями, как бесплодными оказались надежды шаха, порваншего с народом, найти успокоение и честь. Однако в целом хореография П. Гусева очень несамостоятельна. Искушенный зритель сразу определяет «откуда что», а такая комплиментность идет отнюдь не на пользу спектаклю.

В либретто «Девичьей башни» немало традиционно балетных ситуаций — свадьба, похищение, не связанные с действием развернутые танцевальные сюиты в каждом из трех актов: сюита азербайджанских народных танцев в первом акте, классический дуэт во втором, танцы разных народов в третьем. Но все это поставлено балетмейстером Г. Алиасадзе с таким вкусом и изобретательностью, исполнено артистами с

с таким задором и темпераментом, что зритель охотно не замечает примелькавшихся положений и с волнением следит за развертывающейся драмой юной красавицы Гульшан.

И как это ни парадоксально, менее всего современным оказался балет ма... современную тему — «Гульшан» Султана Гаджибекова. Если привычные балетные формы вполне применимы и даже уместны в сказке «Девичья башня», то они выглядят анахронизмом, когда ими пытаются выразить чувства и мысли наших современников. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Когда балетмейстер Г. Алиасадзе и либреттист П. Абдулов ищут малейшего повода, чтобы дать героям возможность потанцевать обычные дуэты, вариации, когда для того, чтобы что-то объяснить, персонажи прибегают к «языку глухонемых», то успеха ждать, конечно, трудно. Но все-таки в «Гульшан» есть немало радующих и обнадеживающих находок, а самое стремление азербайджанских гостей создать балет в людях наших дней не может не внушать глубокого уважения.

В трех показанных бакинцами спектаклях отлично зарекомендовала себя балетная труппа театра имени М. Ахундова. Успехи ее поразительны. Народ, еще сравнительно недавно не знавший классического танца, сейчас имеет артистов, способных решать самые сложные задачи современно-го балетного искусства. В первую очередь это Л. Векилова, исполнительница главных партий во всех трех спектаклях, балерина точной, уверенной техники. Хорошее впечатление оставляет Р. Ахундова, которую москвичи увидели в партиях одной из семи красавиц Ягут, подруги Гульшан. Несомненно способными танцовщиками показали себя М. Мажедов, обладающий исключительно легким, энергичным прыжком, и Н. Красовский, своей танцевальной манерой чём-то напоминающий Вахтанга Чабукиани. Первого мы видели в ролях Позада («Девичья башня») и Азада («Гульшан»), второго — в роли шаха Бахрама («Семь красавиц»). Замечательным мастером оркестра показал себя дирижер Низам, с захватывающим темпераментом проведший балет Кара Каравеева.

Балетные спектакли театра имени М. Ахундова доставили москвичам истинное удовольствие.

Андрей ДЬЯКОНОВ.

На снимке: народная артистка Азербайджанской ССР Л. Векилова в роли Айши из балета «Семь красавиц».

Фото А. Батанова. (ТАСС).